

Россия в сценариях глобального развития

© Гранин Ю. Д.

© Granin Ju.

Россия в сценариях глобального развития

Russia in global development scenarios

Аннотация. В статье анализируются возможности новых индустриальных стран вырабатывать альтернативные западному модернизму стратегии развития. Лучше всего это получается у Китая, Индии и Японии, модернизовавшихся на собственной цивилизационной основе. России пока не удастся создать собственную модель модернизации. Она реализует стратегию «догоняющего развития», поскольку власть и элиты находятся под обаянием либеральных теоретических клише, утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций образования и науки.

Annotation. Possibilities of the new industrial countries of different regions of the planet to develop *development strategies* strategy alternative to western modernism are analyzed in the article. Best of all it turns out at China, India and Japan modernized on own civilization basis. Russia doesn't manage to create own model of modernization yet. It realizes strategy of "the catching-up development". Its power and elite are under charm of liberal theoretical cliches, lost skills of understanding of difficult structure and the importance of social functions of science and education.

Ключевые слова. Глобализация, вестернизация, модернизация, наука, образование, цивилизация, экономика.

Key words. Globalization, westernisation, modernization, science, education, civilization, economy.

Формирование сценариев глобального развития зависит от предпосланных им парадигм исследования всемирной истории. Так, сторонники мир-системного подхода (И. Валлерстайн, А. Бергезен, Ф. Борншир, К. Чейз-Дан, С. Амин, А. Франк и др.) исходят из предположения о нелинейности и периодической смене полюсов исторической динамики, подтвержденного большим эмпирическим материалом. Адепты многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма, объединенных представлением о наступлении принципиально нового этапа в развитии человечества, выстраивают проекции линейного исторического развития по линиям «аграрное — индустриальное — постиндустриальное общества» или «досовременное состояние — эпоха (общество) модернити — эпоха постмодернити (постсовременность)». За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш. Их объединяет

ГРАНИН Юрий Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, зав. кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, профессор, доктор философских наук.

простая и фатальная мысль: шансов «догнать и перегнать» Запад у «всего остального мира» нет.

Думаю, это спорное утверждение. Следует помнить о нелинейности всего хода человеческой истории, о том, что совокупное развитие человечества на протяжении веков осуществлялось в сложной диалектике исторических форм [3. С. 90—103]. С конца XVIII в. доминирующей формой стала евроатлантическая модель развития, проводниками которой были крупнейшие колониальные империи Запада. Связав человечество путями транснационального финансового и промышленного капитала, международных союзов и организаций, эта навязанная многим народам форма развития уже к началу XX в. действительно стала восприниматься большинством в качестве наилучшей, побудив многие страны встать на путь «догоняющей модернизации».

Однако начавшаяся со второй половины 1990-х гг. «третья волна» глобализации показала бесперспективность этого пути. Вызвав к жизни плюрализацию и кризис идентичности во многих незападных странах, она дала толчок к выработке их правительствами национальных моделей развития [7. С. 116—121; 6]. Совсем не исключено, что полюс исторического доминирования сместится в сторону нынешней мировой «полупериферии».

Многие исследователи связывают перспективы ее государств с палиативными мерами: концентрацией ресурсов на передовых направлениях НТП или формированием новой «правовой базы» для установления равноправия участников глобального развития, или сокращением потребностей стран-лидеров в дешевой рабочей силе. Последние два предположения, конечно, утопичны. Зато вполне реальны национальные формы стратегий развития, связанные с отказом слепо следовать рекомендациям МВФ, ВТО и других институтов международного неолИБЕРАЛИЗМА. Взамен предлагается признание приоритета национальных интересов, развитие экономики на основе не заимствованных у Запада форм экономической и политической жизни, но собственных традиций и ресурсов. Ключевым моментом таких национальных стратегий является мера сочетания западных и национальных форм развития: от высокого уровня вестернизации нескольких сфер жизни до незначительного уровня, охватывающего экономическую сферу.

Пример первого варианта дала Япония, заимствовавшая западные экономические и политические стандарты без потери цивилизационной идентичности: не меняясь социокультурно, японцы провели технологическую революцию. По этому же пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. А в начале XXI в. отчетливо обозначились новые центры глобального развития, одним из самых значительных среди которых стало объединение БРИКС (BRICS). Способно ли оно, обладая совокупным ВВП около 16,5 трлн долларов, составить конкуренцию Западу? Ответ будет зависеть от характера, темпов и стратегий развития Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, их способности к взаимовыгодному сотрудничеству. Начать целесообразно с Китая, успех которого особенно впечатляющ.

* * *

Китай занялся освоением хозяйственных и технологических систем Запада, не меняя своей системы социальных и политических ценностей. КНР дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности: «В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты... Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское» [2. С. 7—20]. На это же обстоятельство указывает известный китайский ученый, автор программы «конфуцианского мегапроекта» Ту Вэймин: «Успехи конфуцианской Восточной Азии, которая добилась практически полной модернизации и при этом избежала абсолютной вестернизации, ясно показывают, что модернизация допускает разные культурные формы» [15. С. 11].

Китайское руководство, как и китайские ученые, исходит из объективности современной, евроатлантической формы глобализации и стремится извлечь из нее максимум выгод для страны, ограничив отрицательные последствия. Для этого с 2001-го по 2010 г. Центром исследования модернизации и Группой исследования стратегий модернизации Китая Китайской академии наук (директор Центра и руководитель Группы — профессор Хэ Чуаньци) были подготовлены десять ежегодных докладов о модернизации. Каждый из них содержал анализ одного из ключевых аспектов модернизации и одновременно — характеристику общего ее состояния в мире и Китае [12].

Поражает не только огромный объем системной работы, но и объективность исследования. Разделив модернизацию на «первичную» и «вторичную», разработав «индексы развития» и проанализировав в соответствии с ними 131 страну, они включили Китай лишь в число «предварительно развитых» стран. Предполагается, что он достигнет уровня «среднеразвитых» государств (таких, например, как Россия) лишь к 2040 г. Но, учитывая темпы роста, китайский прагматизм и многолетнюю продуманную внешнюю и внутреннюю политику Китая, эти цифры следует скорректировать в сторону значительного уменьшения.

Так, настойчиво добиваясь приема в ВТО, китайское руководство с такой же настойчивостью отстаивало при обсуждении условий приема свои интересы. В стратегическом плане сохраняется политика протекционизма, особенно в отношении сельского хозяйства и новых отраслей промышленности. При этом китайцы используют некоторые инструменты ВТО как орудие самозащиты (антидемпинговые законы, контроль качества импортных товаров и др.).

В 2010 г. Национальный научный фонд США опубликовал подробную статистическую сводку по глобальной динамике научно-технического развития за 1995—2009 гг.: оказалось, что быстрее всего наука развивается в Китае, который сравнялся с США по числу научных работников. С тех пор динамика не изменилась. В Западной Европе и США продолжается умеренный рост, в России основные показатели научно-технического развития снижаются. Китайские же лидеры, признавая необходи-

мость углубления интеграции с международной экономикой, стремятся управлять этим процессом, чтобы извлечь максимальную прибыль и до минимума сократить собственную уязвимость. В результате национально ориентированной позиции в страну хлынул поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) такой силы, что Китай по их объему занял второе место после США.

Секрет успеха — в сохранении роли государства в экономике, значение которой возрастает в условиях нестабильности мировых рынков. Показательно, что азиатский кризис 1997—1998 гг. не затронул Китай, хотя страна экономически связана со странами Юго-Восточной Азии, по которым кризис ударил особенно сильно. Произошло это потому, что финансовый сектор в КНР не был либерализован. В результате лидеры модернизации — «азиатские тигры» стали менее привлекательными для мировых транснациональных компаний (ТНК), а Китай, напротив, стал более интересен для них вследствие своей относительно неглубокой интеграции в глобализацию финансов. Целью мировых ТНК в Китае не является быстрая прибыль: они заинтересованы в стабильном правительстве, благодаря которому в стране взят курс на китаизацию продукции, что, в свою очередь, обеспечивает лучший сбыт и большую прибыль. В результате китайские филиалы ТНК становятся «патриотичными» в своей стратегии, чем вряд ли могут похвастаться другие страны полупериферии.

Деятельность ТНК на китайской территории относительно свободна от госрегулирования, в том числе в особых экономических зонах — Шанхае и Тяньцзине. Государство, руководимое компартией, при решении трудовых конфликтов часто принимает сторону не своих граждан, а ТНК. В Китае усиливается поляризация общества, а либерализация торговли не проходит бесследно для внутренних производителей. Вместе с тем в отношении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) у Китая есть то преимущество, что приходящий в страну иностранный капитал до сих пор на треть является вложениями китайцев, проживающих за рубежом.

Если руководство КНР пошло на сочетание различных форм собственности, то в России бывшая номенклатура сосредоточила усилия на экспроприации собственности. В 1990-е гг. российское руководство, впад в либеральный догматизм, слепо выполняло рекомендации МВФ — в то время как успех китайских реформ был обеспечен их постепенностью и сохранением контроля над экономикой.

Помимо привлечения мировых ТНК, инструментами транснационального хозяйствования в КНР выступают государственные ТНК, экспорт капитала и рабочей силы, что способствовало резкому усилению активности Китая на международной арене. Еще одно преимущество китайской стратегии модернизации, которого нет у России, заключается в том, что рыночные ценности не могут доминировать здесь над остальными сферами жизни, прежде всего социальной и культурной. В результате создается успешный и перспективный баланс, стимулирующий стабильное развитие. Как пишет Ань Вэй, «гражданское право гарантирует

эффективность рынка, а государственное административное право гарантирует социальную справедливость» [1. С. 169].

В отличие от стратегов российских реформ 1990-х гг., китайские руководители сделали акцент на доминирование общественного сектора, государственное финансирование НИОКР, социальную политику и инвестиции в человеческий потенциал. Этот выбор привел к небывалым темпам роста экономики, совершенно отличным от спада, пережитого Россией, где безразлично относились и к науке, и к человеческому потенциалу, несмотря на исследования и рекомендации РАН. Видимо, все дело в выборе правильной стратегии: китайские руководители и интеллигенция правильно решили задачу соотношения современной (в значительной степени скроенной по американским лекалам) глобализации и патриотизма — на основе приоритета национальных интересов.

Показательно, что патриотические настроения являются в КНР не предметом споров, как в России, а составляют консенсус элиты и народа. Это наглядно видно при анализе высказываний китайских политиков и интеллектуалов. Большинство из них считают глобализацию объективной тенденцией, которая требует национального единства страны. По мнению китайских ученых, западная теория гуманитарных интервенций и ограниченного суверенитета, которая стала идеологической основой для вмешательства в дела Югославии, Афганистана, Ирака и др., используется для осуществления гегемонистской политики.

Хотя в 2013—2014 гг. темпы роста китайской экономики снизились, она продолжала оставаться в первой тройке быстрорастущих экономик Азии. В 2016 г. экономический рост в Китае останется в пределах 7%. Об этом заявил 5 марта 2016 г. на ежегодной сессии Всекитайского собрания народных представителей премьер-министр КНР Ли Кэцян. Не случайно в конце 2015 г. Международный валютный фонд (МВФ) включил китайский юань в корзину ключевых международных валют, на основе которой рассчитывается стоимость специальных прав заимствования (SDR) МВФ. Таким образом, юань примкнул к престижному клубу доллара США, евро, иены и фунта стерлингов, которые образуют искусственное резервное и платежное средство, созданное МВФ в 1969 г.

Китайское руководство планирует активно стимулировать экспорт китайского капитала за рубеж в форме ПИИ. Объем китайских ПИИ в следующие десять лет может достичь 1,25 трлн долларов. Одним из важных направлений экспансии является Африка.

На 5-й Министерской конференции Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в Пекине в 2012 г. тогдашний председатель КНР Ху Цзиньтао провозгласил на ближайшие три года программу помощи Африке из 5 пунктов, первым из которых стала поддержка устойчивого развития. Китай обязался предоставить африканским странам кредиты на сумму 20 млрд долларов — вдвое больше, чем было названо на предыдущем заседании Форума в 2009 г. А во время визита в Африку в мае 2014 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян заявил о новых кредитах ее странам в сумме 10 млрд долларов.

В 2015 г. было одобрено строительство 16 железных дорог и 5 аэропортов с общим объемом финансирования свыше 110 млрд долларов. Рассматриваются еще более 50 проектов для привлечения частных инвестиций в 160 млрд долларов. При их осуществлении предполагается отработать систему государственно-частного партнерства.

Правда, последние два года Китай идет по пути дерегулирования экономики — взят курс на допуск частного китайского капитала в отдельные сегменты экономики, прежде всего в отрасли, монополизированные госкорпорациями.

Сохраняет актуальность курс на увеличение производства высокотехнологичных товаров и рост их доли в экспорте. Китай пытается компенсировать «недобор» темпов роста и усилить позиции своей высокотехнологичной продукции расширением экспорта капитала, в том числе в рамках стратегии экономического пояса «Шелкового пути». Ее реализация предполагает создание транспортных коридоров от Тихого до Атлантического океана на основе китайских технологий в области строительства скоростных железных дорог и инфраструктурных инвестиций. Китай через разные источники (региональные банки развития, региональные фонды инфраструктурных инвестиций и др.) предоставляет льготные кредиты на строительство железных дорог при условии использования китайских технологий и продукции. При этом используются страхование, льготное кредитование и другие методы поддержки экспорта.

Предполагается, что вслед за китайскими железными дорогами в страну-получатель придет китайский бизнес. В 2015 г. на продвижение «Шелкового пути» были направлены основные внешнеполитические усилия китайского правительства. Географический приоритет на первом этапе был отдан не России, а странам Центральной Азии, а далее — Восточной, Центральной и Западной Европе. И это понятно: товарооборот между нашими странами в 2015 г. сократился на 27,8% — до 64,2 млрд долларов. Россия выпала со своими 1,8% из первой десятки торговых партнеров Китая.

Нельзя исключить, что и политический вектор интересов Китая может спокойно развернуться в сторону США и Европы. «Шелковый путь» в обход России уже заработал, оголяя грузовой график Транссиба и вводя Казахстан, Грузию, Азербайджан, Турцию в зону экономического влияния Китая.

* * *

Индия также способна создать альтернативную модель развития на собственной цивилизационной основе. После завоевания независимости правительство Индийского национального конгресса провозгласило курс на ускоренный экономический рост с минимальной внешней помощью. Но влияние принципов общества потребления привело в 1980-е гг. к отказу от регулирования импорта, ограничений на деятельность ТНК и приток иностранного капитала. В результате в 1980—1990-е гг. уровень экономического развития Индии мало изменился. ПИИ не оправдали

доверия, и рост потребления предметов роскоши не повлек экономического прогресса. Стране трудно справляться с проблемой массовой нищеты, висящей тяжелым грузом на экономике. Меры по либерализации финансовой системы в 1990-е гг. лишь усугубили положение, причем не только нищих, но и бедных (например, лиц с небольшими вкладами).

В то же время экспансия евроатлантического глобализма не принесла Индии и серьезных потрясений, имевших место в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Это явилось следствием того, что в индийском обществе сохранялся консенсус по вопросу необходимости самостоятельного развития в соответствии с национальными интересами. Индийские реформы не изменили ориентации на защиту внутреннего рынка. В результате позиции национального капитала продолжали укрепляться. Приватизация части госсектора оказалась более эффективной, чем в России. Реформы шли без скачков и разрушений. Правда, доля страны в международной торговле продолжала неуклонно снижаться, роль ПИИ оставалась незначительной. Упор делался на развитие внутреннего рынка. Это была не политика автаркии, но разумное сосредоточение на собственных проблемах. В результате ряд из них удавалось успешно решать.

Не случайно в первое десятилетие XXI в. экономика Индии демонстрировала темпы роста, сопоставимые с китайскими. Достигнув на короткое время в 2009 г. показателей Китая в 9,1%, Индия с тех пор замедлила развитие: в 2010 г. темпы роста снизились до 8,8%, в 2011-м — до 7,1%, в 2012 г. — до 6,9%. Правда, обрушение мировых фондовых рынков и падение цен на углеводороды в январе 2016 г., негативно сказавшиеся на экономике Китая, почти не затронули Индию. Учитывая, что по показателям на душу населения КНР превосходит Индию более чем в два раза, возможные высокие темпы роста ее экономики следует воспринимать со сдержанным оптимизмом. Но основания для него все же имеются. В их числе:

- так называемый *демографический дивиденд* — половина из 1,2-миллиардного населения Индии моложе 25 лет. Экономически активная часть этой демографической группы, занятая в городах, рассматривается как одна из основных движущих сил экономики;

- *растущий средний класс*, численность которого варьируется в интервале от 250 до 300 млн человек, образует емкий внутренний рынок и значительный резерв роста, поскольку его динамичное увеличение будет продолжаться, а образовательная, профессиональная и научно-техническая подготовка — повышаться;

- *функциональная демократия*: несмотря на некоторую хаотичность социально-политических процессов, система представительства интересов не утрачивает своей эффективности, что обеспечивает необходимую корректировку экономического развития в Индии через перегруппировки сил, происходящие на парламентских выборах.

Нельзя сказать, что внятная альтернативная национальная стратегия в Индии уже сложилась, но все предпосылки к этому имеются. Это пестрое в культурном отношении общество способно инкорпорировать

различные культурно-идеологические конструкты, сохраняя при этом свое своеобразие. Будучи богатой и древней цивилизацией, Индия обладает потенциалом и для культурной эмиссии, и для выработки альтернативных структур современности.

* * *

В Латинской Америке мы наблюдаем лишь робкие попытки выработки альтернативной стратегии модернизации. Народные массы в этих странах всегда отличались революционностью, а элиты ориентировались на интересы США, а не на собственные национальные интересы. Правда, в 1950—1970 гг., когда во многих странах Южной Америки пришли к власти откровенно авторитарные политические режимы, получившие название «авторитаризмов развития», они обеспечивали — как экономическими, так и административными методами — существенное увеличение доли капиталовложений в ВВП, в том числе и за счет богатых слоев общества. Эти режимы проводили политику, направленную и на технологическую модернизацию промышленности, и на создание новых отраслей хозяйства, обеспечивали условия для подготовки рабочей силы, создавали национальные системы образования и научных исследований.

«Авторитаризмы развития», осуществляя «принуждение к прогрессу», использовали не только репрессии. Они опирались на идеологию, обеспечивавшую общественный консенсус: общество, или, по крайней мере, его наиболее активная часть, соглашалось обменять политические свободы на рост материального благосостояния и расширение возможностей вертикальной социальной мобильности. Другими словами, «авторитаризм развития» отбраковывал неспособную к новой работе часть населения и открывал перспективы, в том числе и для выходцев из социальных низов, сделать карьеру честным трудом, благодаря способностям и усердию [5. С. 171—182].

Особенно успешной в этом отношении была Бразилия. Выдвигая планы превращения страны в великую державу, бразильские модернизаторы использовали мощь госпредприятий, принимали долгосрочные программы развития отраслей и инфраструктуры. Смена лидеров не отменяла преемственности в выполнении этих программ. Но главное — военно-бюрократический авторитаризм сделал ставку на развитие науки и новых технологий. Чтобы стимулировать технический прогресс и инновации, правительство проводило политику ускоренной амортизации оборудования. Дополнительные инвестиции в инновации освобождались от налогов, частным фирмам предоставлялись специальные субсидии и кредиты для инновационной деятельности. Именно при военном режиме крупные фирмы стали создавать научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения. Быстро увеличивалось число научных институтов и центров, которые занимались технологическими разработками и подготовкой кадров специалистов. В стране удалось создать основы аэрокосмической индустрии и ядерную энергетику, разработать уникальную технологию получения моторного топли-

ва из тростника, наладить выпуск отечественной электронно-вычислительной техники.

Однако политические трансформации 1990-х гг., выразившиеся в либерализации общественно-политического устройства и экономики, и четкое следование компрадорских элит рецептам МВФ привели к череде экономических крахов (Мексика, Бразилия, Перу, Аргентина). Раскол же между элитами и массами не способствует выработке стратегии модернизации. Странам континента предстоит решать задачи восстановления независимости от западных ТНК.

Осознание этого объясняет приход к власти в первое десятилетие XXI в. левых правительств в Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Боливии, Чили. Со временем во многих из них произошел сдвиг вправо, однако это не означало появления альтернативы. Выработка стратегии, альтернативной вестернизации и неолиберализму, остается в этой части мира делом будущего.

* * *

Из африканских стран в качестве претендента на собственную стратегию модернизации может рассматриваться только ЮАР — государство, открытое западным влияниям. Это касается как белого, так и цветного населения, традиции борьбы которого с апартеидом формировались в основном по западным же стандартам. Однако пока ЮАР отстает в плане усвоения методов преуспевания в глобальной экономике.

Президент ЮАР Т. Мбеки выдвинул концепцию «африканского ренессанса», включающую развитие демократии, достижение приемлемых темпов экономического развития, освобождение от бремени долга, борьбу со СПИДом, обретение культурного богатства исторического прошлого народов Африки. По существу, это стратегия привлечения западных инвестиций, придания положительного имиджа странам континента, прежде всего самой ЮАР, традиционно связанной с Западом. Речь идет не столько о выработке стратегии, альтернативной западной модернизации, сколько об усвоении западных ценностей для решения задач индустриального периода.

Безусловно, ЮАР является субрегиональным лидером, и ее глобальное значение будет возрастать. Южная Африка входит в пятерку крупнейших инвесторов для ряда африканских стран, занимая в Мозамбике первое место, в Нигерии — третье, в Гане и Кении — четвертое, в Демократической Республике Конго и на Маврикии — пятое. Африканским странам предоставляются инвестиции при помощи Промышленной корпорации развития и Банка развития Южной Африки. В 2012 г. ЮАР инвестировала в 75 проектов в Африке — больше, чем любая другая страна. Южноафриканские фирмы играют важную роль в банковской, телекоммуникационной, продовольственной и горнодобывающей сферах и в розничной торговле Африки. ЮАР активно работает в сфере инфраструктурных проектов. В их числе — терминал в Дар Эс Саламе (Танзания), порт Дурбана в самой ЮАР, железная дорога в Зимбабве. Компания «Транснет» в течение ближайших семи лет намерена инве-

стировать 39,1 млрд долларов в развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры ЮАР, что позволит повысить объемы перевозок с 200 до 350 млн т в год и создать 588 тыс. новых рабочих мест. Инвестиции в инфраструктуру позволят увеличить экспорт угля с 68 до 97,5, а железной руды — с 53 до 82,5 млн т в год. Южноафриканская компания «Спурнет» (Spoornet), имеющая акции 80% африканских железных дорог, занимается реконструкцией железнодорожной линии, связывающей Эфиопию и Эритрею, а также действует в ряде стран Западной и Южной Африки [18].

Тем не менее в 2015 г. экономический рост в ЮАР составил всего 1,3%, а в 2016-м он прогнозируется в размере лишь 1,4% [9].

Некоторые исследователи видят перспективу в создании треугольника «Россия — Индия — Китай» как союза трех полиэтнических и поликонфессиональных цивилизаций, интересы которых не обеспечивают евроатлантической версией глобализации. Все три страны выступают за демократизацию международного порядка, укрепление роли ООН, против расширения НАТО и имеют общего противника в лице исламского фундаментализма и экстремизма. Однако в этой «триаде» — как, впрочем, и в БРИКС и в ШОС — Россия в обозримом будущем явно не будет лидировать. Обозначу лишь некоторые причины этого.

* * *

Учитывая почти пятикратное превышение над РФ экономики Китая, низкий объем торгового оборота между нашими странами, высокий уровень высшего образования в Китае (в рейтинге 200 университетов стран с развивающейся экономикой Россия находится на 4-м месте, уступая не только Китаю, но и Индии (39 и 16 университетов, соответственно, против 15 российских)), огромные (более 3 трлн долларов) золотовалютные резервы КНР, можно утверждать, что уже сейчас структура БРИКС выстраивается вокруг Китая и имеет шанс стать, по сути, китайским проектом. А Россия в нем может занять положение «младшего брата».

Кроме того, все члены БРИКС, за исключением России, являются импортерами энергоресурсов, т. е. потенциальными рынками сбыта для российского сырья. В результате, как и с Западом, сотрудничество через БРИКС не увеличивает вес России в мировой политике, а ведет к еще большей сырьевизации экономики и увеличению поставок сырья странам, которым могла быть направлена продукция обрабатывающей промышленности. «Даже инвестиции Нового банка развития БРИКС в Россию будут привлечены на проекты по разведке и добыче углеводородного сырья... Директор департамента Европы и Центральной Азии МИД КНР Гуй Цунью заявил, что освоение нефти и газа на территории России — одно из приоритетных направлений для Китая» [10].

В отличие от Китая, разработавшего стратегию модернизации еще 15 лет назад, у нас только в 2010 г. была создана Комиссия по модернизации при Президенте РФ. Уже тогда многие заметили, что модернизация истолковывается российским правительством в технологическом

ключе, а провозглашенная политика модернизации есть не что иное как «прогрессизм» — инструментальный ответ на геополитические вызовы без четко обозначенной цели, позволяющий власти инициировать политику «чрезвычайщины» и позиционировать себя в качестве «инновационной» [13. С. 2]. Позже, в 2014 и 2015 гг., разнообразные аналитики, рассуждая о зависимости курса валюты от мировых цен на углеводороды, от международных санкций, отрезавших страну от иностранных кредитов и технологий, предрекли России экономический дефолт и социальный взрыв.

Ничего этого, как и следовало ожидать, не случилось. Но в критике оказалось много справедливого. Господствующие либеральные теоретические клише опираются на парадигму одновекторного «линейного прогресса». Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо, мол, заимствовать.

Помимо неизбежных упрощений, блокирующих доступ исследователей к российским реалиям, эта теоретическая оптика чревата синдромом постоянного реформаторства, основанного на стремлении насильственного уподобления России странам «идеального Запада», опыт которых надо, мол, заимствовать.

Но «догнать и перегнать» Запад не получается. В силу цивилизационных особенностей, экзогенного характера модернизации и ее регулярных срывов в нашей стране продолжают сохраняться элементы социальной архаики: социально-психологические архетипы общественного сознания и поведения, выражающиеся в произволе чиновников, социальной практике чиновных «кормлений», лишении домовладельцев земли, скупке богатыми земель вместе с населяющими их людьми, ставке на силу и привилегии. Вместе с появлением «власти-собственности» (свободной конвертации власти в деньги и собственность и обратно) эти и некоторые другие виды социальной практики несовместимы с индустриальным развитием [14].

Следует признать, что огромная по масштабам и сложнейшая по структуре научно-техническая система России, непрерывно создававшаяся на протяжении 300 лет, уже более двух десятилетий остается почти без средств развития и без социальной поддержки. И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целена-

правленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу. Не случайно протесты ученых против поспешной «реформы» РАН не были поддержаны не только народом, но и многими вузовскими преподавателями. О политических и иных «элитах» даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки [4. С. 72].

Несмотря на то, что начиная с нулевых годов Академия наук, бизнес-сообщества, многочисленные специалисты пишут программы по индустриализации, деофшоризации, по развитию конкурентных несырьевых производств и по многим другим направлениям реформирования «экономики трубы», фактически ничего из предложенного не делается [8. С. 166—182]. Зато чиновники занялись «оптимизацией» науки и образования — сокращением их финансирования. Если в Китае инвестиции в науку и образование в последние годы растут примерно на 20% ежегодно, что позволило ему по числу ученых сравняться с США (примерно 1,5 млн человек), то у нас наблюдается отрицательная динамика. В 1995 г. в России насчитывалось около 600 тыс. научных работников, а сейчас осталось лишь около 450 тыс. В Китае каждый год число ученых возрастает почти на 9%, а в России снижается на 2%.

В 2013—2015 гг. финансирование науки и образования сократилось с 605,6 до 572,6 млрд рублей, что отражает истинную суть обещаний властей относительно модернизации. В 2013 г. бюджетные ассигнования на деятельность РАН составили примерно 36,3 млрд рублей; в 2014 г. было выделено 37,4, в 2015-м — около 37,5 млрд. Зато на «Сколково» и «Роснано», результаты деятельности которых (исключая скандалы) видны лишь в микроскоп, в одном 2014 г. было потрачено более четверти миллиарда. Возмутительна позиция руководителя госкорпорации «Роснано» А. Чубайса, заявившего, что корпорация «не давала и не будет давать денег ученым, потому что мы созданы не для того, чтобы поддерживать науку, а чтобы поддерживать инновационный бизнес» [16]. Но этот «бизнес» не может быть эффективным без научной составляющей. Важнейшими «строительными блоками» инновационного цикла являются фундаментальная и прикладная наука, финансирование которых у нас явно недостаточно. Нет и стратегии развития научно-инновационного потенциала, как нет и государственного органа, который в советское время назывался Государственным комитетом по науке и технике; хотя аналогичный орган есть в США — Национальный совет по науке и технологиям (NSTC).

Что же следует делать в таких условиях? Помимо срочного принятия закона о науке, концепция которого разработана Конгрессом работников науки, образования, культуры и техники [11], необходимо осмыслить зарубежный опыт и обратиться к научно-технической политике развитых стран. Сравнение научно-технической политики ведущих европейских стран, США и Китая показывает, что, несмотря на имеющиеся национальные особенности, существует ряд общих, универ-

сальных закономерностей ее эффективного осуществления. К их числу относятся:

- отношение в обществе к науке как одному из главных приоритетов национального развития;
- обеспечение доли науки в общем объеме валового внутреннего продукта не менее 2—3%;
- создание в обществе компромисса интересов и заинтересованного консенсуса между представителями научного сообщества, частного бизнеса и государства;
- существенные налоговые преференции для капитала при его вложении в развитие научно-технической сферы;
- финансирование науки примерно поровну государственным бюджетом и частным бизнесом;
- активная роль государства в проведении национальной научно-технической политики, в частности, обеспечение координации и взаимодействия всех секторов науки и постоянного увеличения наукоемкости национальной экономики;
- создание высокопрестижного имиджа науки в национальном самосознании путем развитой системы пропаганды ее достижений.

В современной России не реализуется ни одна из перечисленных выше универсальных закономерностей развития научно-технического потенциала.

С учетом обострения конфронтации с США и Европой, продолжения мирового экономического кризиса, санкций и высокой инфляции очередное абсолютное сокращение финансирования науки и образования очевидно. Дальновидные правительства поступают строго наоборот: именно в трудные времена увеличивают вложения в науку, т. к. только она способна найти способы выхода из кризиса.

Спровоцировав государственный переворот на Украине, США и Евросоюз втянули Россию в геополитическое соперничество и гонку вооружений, победить в которых у нас почти нет шансов. В этих условиях о серьезной государственной поддержке отечественного образования и науки остается только мечтать.

Литература

1. **Ань Вэй.** Глобализация и право // Вопросы философии. 2005. № 2.
2. **Буров В. Г., Федотова В. Г.** Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. 2007. № 5.
3. **Гранин Ю. Д.** Глобализация: диалектика исторических форм осуществления // Век глобализации. 2014. № 1.
4. **Гранин Ю. Д.** Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2 (14).
5. **Гранин Ю. Д.** Меняем «бусы» на нефть // Свободная Мысль. 2014. № 1.
6. **Гранин Ю. Д.** Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб. : Экспертные решения, 2014.

7. **Гранин Ю. Д.** Что такое «глобализация»? // Высшее образование в России. 2007. № 10.
8. **Гринберг Р. С.** Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. 2015. № 1.
9. Доклад Всемирного банка «Глобальные экономические перспективы». — <http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2015/01/13/global-economic-prospects-improve-2015-divergent-trends-pose-downside-risks> (дата обращения: 16.04.2016).
10. **Кравченко Л. И.** Экспансия Китая через институты БРИКС. — <http://rusrand.ru/actuals/ekspansiya-kitaya-cherez-instituty-briks> (дата обращения: 16.04.2016).
11. **Миронов А., Бузгалин А., Эпштейн Д.** О ситуации в российской науке // Свободная Мысль. 2016. № 1.
12. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001—2010) / под ред. Хэ Чуаньци, Н. И. Лапина. М. : Весь мир, 2011.
13. **Павловский Г.** Инновационная власть пытается соблазнить экономику // Русский журнал. 2010. № 46—47.
14. **Рябов А.** Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working papers. М. : Московский центр Карнеги. 2008. № 4.
15. **Ту Вэймин.** Разные взгляды на современность: о сущности восточноазиатской модели современности // Век глобализации. 2014. № 1.
16. Чубайс: Ученым денег не дадим! — <http://www.regnum.ru/news/1388269.html> (дата обращения: 16.04.2016).
17. Moody's 2015: Индия покажет самый высокий рост экономики среди G20. — <http://forbes.net.ua/news/1404334-moodys-indiya-pokazhet-samyj-vysokij-rost-ekonomiki-sredi-g20> (дата обращения: 16.04.2016).
18. South Africa invests in African infrastructure // South Africa info. 2012. 21.10 (<http://www.southafrica.info/africa/parastatals-040805.htm>) (дата обращения: 16.04.2016). ◆